

- СПб., 1868 ; Павел, архимандрит. Краткие известия о существующих в расколе сектах, об их происхождении, учениях, обрядах, с краткими о каждой замечаниями. М., 1885 ; Левенстим А. А. Фанатизм и преступления // Журнал Министерства юстиции. 1898. № 7. С. 37–78 ; Новицкий А. Духоборы : их история и вероучения, СПб., 1882 и др.
- ³⁸ ОР РНБ. Ф. 37. Д. 40. Артемьев. Докладная записка (МВД) о результатах работы по изучению истории и догматов различных раскольничих сект в России. 15 марта 1864 г.
- ³⁹ См. подробнее: Никандрова М. Революционное народничество и сектанство. (О попытках народников 70-х годов XIX века привлечь сектантов к борьбе против самодержавия). М., 1974 ; Программа для собирания сведений по русскому сектанству, изданная Бонч-Бруевичем В. Д. // Этнографическое обозрение. 1908. Кн. LXXVII. № 3. С. 198–200 ; Хлыст, секта, литература и революция. М., 1998 ; Путинцев Ф. М. Политическая роль и тактика сект // под ред. Краськова (с приложением кратких сведений о наиболее распространенных сектах). М., 1935 и др.
- ⁴⁰ См. подробнее: Филарет (Гумилевский), архиепископ. Жизнеописание Святых чтимых Российской Православной Церковью. 1885. № 4 ; Чудесные исцеления по молитвам Святому младенцу Гавриилу // Гроднецкие Епархиальные Ведомости. 1909. № 31 ; Полное собрание сочинений протоиерея Иоанна Восторгова. Т. 5. СПб., 1998 ; Антоний (Храповицкий), архиепископ. Беседа Архипастыря с г. А. Чижевским // Журнал «Мирный труд». Харьков, 1913. № 9 ; Святой отрок Гавриил (Дело об антисемитской агитации в московском соборе Василия Блаженного, в связи с обнаружением в нем усыпальницы мученика Гавриила. Отзвуки дела Бейлиса) // Революция и Церковь. 1919. № 6–8 и др.
- ⁴¹ См. подробнее: Хасин В. В. Роль текстов свидетельских показаний в формировании сценариев «ритуальных» процессов в Российской империи в XIX веке // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2008. Т. 8, вып. 2. С. 103–109.
- ⁴² Хвольсон Д. А. О некоторых средневековых обвинениях против евреев. Историческое исследование по источникам. СПб., 1861.
- ⁴³ См.: Лютостанский И. Вопрос об употреблении евреями-сектаторами христианской крови для религиозных целей в связи с вопросом об отношении еврейства к христианству вообще. СПб., 1876.
- ⁴⁴ См.: Хвольсон Д. А. Употребляют ли евреи христианскую кровь? СПб., 1879.
- ⁴⁵ См.: Костомаров Н. И. Замечание по поводу брошюры изданной г. Хвольсоном : употребляют ли евреи христианскую кровь? // Новое время. 1879. № 1172.
- ⁴⁶ См.: Костомаров Н. И. Жидотрепание в начале XVIII века // Киевская старина. 1883. Т. 5. С. 1–26, 477–492.
- ⁴⁷ См.: Хвольсон Д. Ответ на замечание Н. И. Костомарова «по поводу брошюры изданной г. Хвольсоном : употребляют ли евреи христианскую кровь?» // Новое время. 1879. № 1192.
- ⁴⁸ См.: Замысловский Г. Г. Умученные от жидов. Саратовское дело по актам Государственного Совета. СПб., 1914. С. 58.
- ⁴⁹ Там же. С. 50.
- ⁵⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 103. Л. 484.

УДК 94 (47)

СОЦИАЛЬНОЕ СЛУЖЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (на примере Рязанской епархии)

И. И. Степанов

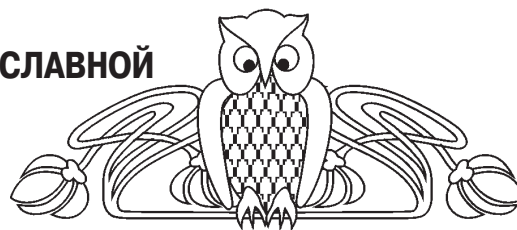
Рязанский государственный университет
E-mail: hiermonk-luke@yandex.ru

В статье рассматриваются некоторые аспекты социального служения РПЦ в конце XIX – начале XX в.: полемика вокруг изучения истории социального служения РПЦ в историографии XX в., основные уровни социального служения и их формы на примере Рязанской епархии. Автор подчеркивает бескорыстность и безвозмездность социального служения РПЦ в изучаемый период.
Ключевые слова: социальное служение Русской православной церкви, создание благотворительных обществ, приходское социальное служение, милосердие.

Social Service of the Russian Orthodox Church from the End of XIX Century till the Beginning of XX Century (on the Example of the Ryazan Eparchy)

I. I. Stepanov

© Степанов И. И., 2012

In the article some aspects of social service of the Russian Orthodox Church from the end of XIX century to the beginning of XX century are under research: discussion on the research of history of the social service of the Orthodox Church in the historiography of the XX century, the general levels of the social service on the example of the Ryazan eparchy in the same period. The author stresses that the social service of The Orthodox Church in that period got realized in unselfish and unpaid social activity.

Key words: social service of the Russian Orthodox Church, establishment of charity communities, parish charity, charity.

Социальным служением Русская православная церковь (РПЦ) занимается более 300 лет. Но до сих пор нет единого мнения среди ученых по поводу самого понятия «социальное служение», методов и форм его осуществления. Целью настоящей статьи является изучение практики социального служения Рязанской епархии в конце

XIX – начале XX в., в связи с чем «социальное служение» определим как общественное служение, относящееся к жизни людей и их связям в обществе, предполагающее непрестанное служение не только Богу, но и людям.

Понятийный аспект данного явления раскрывается такими категориями, как «социальное служение – дело православной государственности», социальная активность, социальная среда, социальное положение (богатые – бедные), социальные конфликты, общественное неравенство, нестяжательная экономика, удовлетворение материальных и духовных потребностей человека, то есть является атрибутом так называемой новой социальной истории. Предметно-объектные связи формируют представление о помощи населению, его поддержке, социальной защите (советский социалистический период), социально-экономическом развитии страны, социальных программах, наконец, о русской церковной традиции деятельной помощи страждущим.

Программа социального служения ближним начертана в Святом Евангелии словами Спасителя: «... алкал Я, и вы дали мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне... истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25, 35–36, 40).

Впервые в исторической науке понятие «социальное служение» употреблено в 1995 г. С. Г. Зубановой в кандидатской диссертации по истории «Православная церковь в социальной, культурной и духовной жизни российского общества».

Последние исследования в области теории и истории социального служения в работах С. Г. Зубановой, А. В. Штепы, Н. П. Рузанова, Л. Е. Денисова, Н. Д. Патюлина указывают на большую степень участия РПЦ, если рассматривать ее социальную деятельность как воплощение внутренних идеалов милосердия и необходимости просвещения¹. Научная ценность этих исследований заключается в том, что их авторы ввели в историческую науку понятие «социальное служение церкви», обосновали и доказали этот исторический феномен. Но необходимо отметить, что работы этих авторов не касаются территориальных границ Рязанской епархии, поэтому для нас представляют ценность только с точки зрения теории вопроса.

Появившись на Руси вместе с государственностью, РПЦ на протяжении всего времени своего существования активно решала самостоятельно, на уровне епархий, приходов, монастырей, и в сотрудничестве с государством множество разнообразных социальных задач и в этом служении видела свое призвание и реализацию христианского идеала любви и милосердия к ближним.

Особенный размах социальное служение РПЦ принимает в конце XIX – начале XX в.,

в преддверии и после либеральных реформ 60-х гг., когда крестьянство, составлявшее большую часть российского общества, получило права и свободы для уже не только общественного, но и личного самовыражения. В таком контексте вопросы народного воспитания, просвещения населения русских провинциальных городов, сел, деревень и их социальной поддержки имеют решающее звучание в исторической перспективе государства.

Были изданы положения о деятельности РПЦ в области активизации приходской жизни. 2 августа 1864 г. Особое присутствие по делам православного духовенства выработало и издало проект Положения о церковно-приходских попечительствах. Несмотря на то что главной целью создания церковно-приходских попечительств (ЦПП) была материальная поддержка духовенства и благоустройство церкви, в их ведение были включены начальное обучение детей, благотворительность в рамках прихода (п. 1), учреждение школ, больниц, богаделен, приютов и других благотворительных учреждений, помощь беднякам, погребение неимущих прихожан и тому подобное (п. 5). Актуальность обеспечения прихода из средств самих прихожан при создании ЦПП была связана с деятельностью Комиссии по составлению единых правил о порядке счетоводства, отчетности и ревизии. Эта комиссия, образованная в 1859 г., установила единую кассу для всех государственных ведомств и учреждений. Соответственно, должны были быть переданы в Государственное казначейство все капиталы, образованные к 1860 г. от прежних лет в разных ведомствах.

Появление ЦПП, при всех сопутствующих сложностях, было действительно значимым событием для страны: в 1868 г. было открыто 5 840 ЦПП и собрано 55 400 руб., в 1890 г. – 13 424 ЦПП и собрано 21 685 500 руб.² Необходимо отметить деятельность РПЦ в области народного просвещения в исследуемый период, а именно организацию церковно-приходских школ (ЦПШ). Школы при церквях и монастырях были официально учреждены в 1836 г., когда было издано особое Высочайшее повеление по Духовному ведомству о приглашении и поощрении всего православного духовенства к повсеместному заведению при церквях и монастырях школ для наставления детей, которые должны были находиться на содержании у прихода.

Призывая духовенство к заведению школ, Святейший синод в указе от 19 октября 1836 г. адресовал духовенству особые «Правила касательно первоначального обучения поселянских детей». Этот указ можно считать первыми правилами для церковно-приходских школ:

«1. Обязанность первоначального обучения поселянских детей относится к обязанностям приходского духовенства, которое сим средством и случаем должно воспользоваться для исполнения

своей беспрекословной обязанности наставлять детей в вере и благочестии.

2. Сие обучение проводить домашним образом в доме одного или двух из членов причта, смотря по способности и надежности.

3. Для обучения приходских детей назначается, по усмотрению епархиального архиерея, местный священник или дьякон, а иногда и причетник по нужде и способности.

4. Он не только принимает для обучения желающих, но и располагает к сему родителей и детей, чему способствуют и прочие члены причта советами и представлениями полезности: принимать же без всякого договора и без требований вездия.

5. Обучать чтению церковной и гражданской печати, а желающих и письму. Между тем учащиеся должны изучать на память молитву Господню, символ веры, десять заповедей, стих: Богородице Дево, радуйся; к чему учащий присовокупляет краткое и самопростейшее изъяснение оных из катихизиса и главнейшие сказания из Библейской истории, передавая сии изъяснения и сии сказания в виде разговоров и рассказов, по временам и в случаях возобновляемых без школьной принужденности и буквального вытверживания на память.

6. Оказавшим успехи в церковном чтении в праздничные дни давать место в церкви на клиросе, приобщивать их к церковному пению и по возможности употреблять к церковному чтению, дабы очевидность успехов их служила в утешение родителям их и в поощрение прочих к учению.

7. Смотра по удобности, можно к предметам учения присовокупить начала арифметики.

8. Постоянное время учения должно продолжаться от окончания осенних полевых работ

до начатия весенних, и примерно от 1 сентября до 1 мая; в летние месяцы ученики могут собираться по праздникам в послеобеденное время для повторения молитв и учения катихизического и Священного Писания, а в будние дни чаще или реже, как позволят сельские работы. На июнь, июль и август учение совсем прекращается.

9. Учебные книги, азбука, Часослов, Псалтирь и Начатки христианского учения могут быть заведены за счет церковной суммы и считаться церковными.

10. При каждом полугодовом осмотре церковью благочинным ему представляется именно список обучающихся детей с показанием, с которого времени учатся, сколько успели и какими усматриваются в поведении. Благочинный по возможности удостоверяется в сообразном с настоящими правилами ходе и успехах учащихся и, означив сие на списке при своем полугодовом рапорте, представляет оный епархиальному архиерею.

11. Дети, достаточно обученные, испытываются при благочинном, местном священнике и сельском начальнике, и о сем постановляется журнал за подписью всех лиц и представляется архиерею»³.

Обер-прокурор граф Протасов в своем отчете за 1837 г. вполне положительно оценивал динамику исполнения Высочайшего повеления: «Первоначальное обучение, – говорится в заключении, – заводится при церквях и монастырях с таким усердием, что едва Святейший Синод предложил сию Высочайше указанную меру, как, на первый раз, в шести епархиях частью было уже открыто, часто было предназначено к открытию около полутора ста школ для нескольких тысяч крестьянских детей»⁴.

В 1839 г. в Российской империи существовало 2000 школ и было 19 000 учащихся (табл. 1).

Таблица 1

Год	Число школ	Число обучавшихся детей		
		мальчики	девочки	итого
1841	2700	Не разграничено		25 000
1851	4713	Не разграничено		93 350
1861	18 587	271 263	49 087	320 350
1871	10 381	220 127	33 286	259 413
1881	4440	89 250	17 135	106 385
1891	24 502	624 200	118 600	743 400

В 1864 г. Государственным советом было утверждено «Положение о народных училищах», согласно которому немалая роль в организации начального общего образования отводилась РПЦ. Начальные народные училища имели целью «утвердить в народе религиозные и нравственные понятия и распространять первоначальные полезные знания» (ст. 1). В разряд народных училищ входили школы всех государственных ведомств и министерств, цер-

ковно-приходские училища, а также частные и воскресные школы (ст. 2). Важным отличием народных училищ было то, что занятия в них проходили не ежедневно. Основными предметами являлись Закон Божий, чтение, письмо, три действия арифметики и церковное пение, где это было возможно (ст. 3).

Несмотря на то что в народные училища принимались все слушатели без различия сословий и вероисповедания (ст. 6), «наблюдение за

религиозно-нравственным направлением во всех начальных народных и воскресных училищах возлагается на местного приходского священника» (ст. 17)⁵.

Таким образом, в той или иной степени духовенство РПЦ было интегрировано во все начальные народные образовательные учреждения. Положение 1864 г. давало максимальные права духовенству для участия в деле народного образования, так как уравнивало в правах предоставления начального образования Министерство народного

просвещения и РПЦ. Существенное отличие состояло лишь в том, что школы министерства и земств финансировались из государственного бюджета, а церковные школы оставались на попечении приходов.

К 1862 г. количество ЦПШ существенно увеличивается (по сравнению с 1851 г. практически вдвое). И. Преображенский приводит отчеты о деятельности самых успешных епархий в деле народного просвещения, среди которых и Рязанская (табл. 2).

Таблица 2

Наименование епархии	Число школ в 1862 г.	Число учащихся		
		мальчики	девочки	итого
Киевская	1335	23 228	6112	29 340
Подольская	1241	18 822	4281	23 103
Волынская	1216	10 780	841	11 621
Тульская	1023	16 757	1223	17 980
Черниговская	841	13 384	2421	15 805
Рязанская	775	17 355	1751	19 106

Отличительной чертой ЦПШ Рязанской епархии является наличие крупных школ при меньшем их количестве. Это видно из сведений, представленных в табл. 2, где Рязанская епархия занимает шестое место по количеству школ, но третье – по численности обучающихся в них детей, немного уступая Подольской епархии, в которой количество школ почти в два раза больше, чем в Рязанской.

По сводным данным табл. 1 наблюдается существенное сокращение количества школ в 1861–1871 гг., во многом вызванное финансовыми сложностями, связанными с содержанием ЦПШ в приходе, которые, в свою очередь, были вызваны деятельностью Комиссии по составлению единых правил о порядке счетоводства, отчетности и ревизии, о которой мы упоминали выше. На данном этапе ЦПШ не всегда могли конкурировать с земскими школами ни в качестве организации учебного процесса, ни в его стоимости. Обучение в земской школе было бесплатным и не предполагало какой-либо финансовой отдачи, в то время как обучение в ЦПШ осуществлялось за счет прихода и, следовательно, за счет средств каждого из прихожан.

Подобная тенденция продолжилась и в последующее десятилетие: в 1871 г. существовала 10 381 школа, а в 1881 г. – 4440. Этот спад может объясняться, с одной стороны, скудным состоянием приходов и, соответственно, прихожан, связанным во многом с Русско-турецкой войной 1877–1878 гг., а с другой – введением в 1873 г. новых штатов для приходов, в соответствии с которыми в 18 преобразованных епархиях состав причтов уменьшился на 14 701 лицо. Количество приходов сократилось на 20%, общее число ду-

ховенства на 38%, число священников – на 10%. Данная реформа существенно ослабила всякую деятельность прихода, в том числе и образовательную. Таким образом, в 70-е гг. XIX в. часть церковно-приходских школ перешла в ведение Министерства народного просвещения и общее их количество сократилось более чем вдвое.

Однако в данных за 1881 г. мы видим значительное увеличение количества школ, с 4440 до 24 502, а также контингента обучающихся с 106 385 до 743 400 человек (см. табл. 1). Количество школ и обучающихся в течение десятилетия увеличилось почти в 7 раз, преодолев лучшие показатели 1861 г. и по количеству школ, и по численности контингента.

Анализ деятельности Министерства народного просвещения за 20 лет по организации начального общего образования показал, что достигнутые результаты недостаточны. К. П. Победоносцев утверждал, что пока государственное дело народного просвещения было в руках министерства, его развитие проходило слишком медленно. В частности, по данным Министерства внутренних дел, в Российской империи в 1880 г. количество детей в возрасте от 7 до 14 лет составило 12 837 850 человек, и лишь 1/10 из них посещали начальную школу: из 100 мальчик только 13 посещали школу, а из 100 девочек – только 3.

Таким образом, в 1884 г. были изданы «Правила о церковно-приходских школах», по которым создавались одноклассные (2-годичные) и двухклассные (4-годичные, с начала XX в. – 3-годичные) церковно-приходские школы. В одноклассных изучали Закон Божий, церковное пение, письмо, арифметику, чтение. В двухкласс-

ных школах, кроме этого, изучалась история. Этот документ устанавливал учебный план и программы церковно-приходской школы как основной формы обучения крестьянских детей. Соответственно деятельность церковно-приходских школ поддерживалась государственными

ассигнованиями вплоть до начала Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Государственная поддержка церковно-приходских школ дала мощный толчок к их открытию, что видно из табл. 3, отражающей рост количества ЦПШ в Рязанской епархии за 1883–1893 гг.

Таблица 3

Год	Количество ЦПШ	Год	Количество ЦПШ	Год	Количество ЦПШ
1883	39	1887	258	1891	455
1884	88	1888	306	1892	512
1885	108	1889	378	1893	577
1886	146	1890	436		

Обратим внимание на показатель 1893 г. – 577 ЦПШ (259 – ЦПШ, 318 – школы грамотности) – и сопоставим его с общим количеством церквей в Рязанской епархии в 1893 г. – 1034. Таким образом, при более чем половине церквей епархии имелись ЦПШ разного уровня. Хотя показатели 1861 г. в Рязанской епархии не были достигнуты (1861 г. – 775 школ, 1893 г. – 577 школ), но динамика их открытия при условии стабильного состояния империи обнадеживала.

В Российской империи к 1893 г. было построено более 10 000 школьных домов, действовало 30 000 школ, в которых обучалось около 900 тыс. детей⁶. Образовательное направление социального служения РПЦ в приходе, кроме ЦПШ, реализовывались также в открытии библиотек, воскресных школ, деятельность лекторов.

На епархиальном уровне решающее значение в деле народного просвещения имела деятельность разнообразных братств, состоящих в основном из мирян православного исповедания, нередко во главе с представителем духовенства. Братства занимались миссионерской, просветительской, благотворительной деятельностью. В соответствии со статистикой в 1893 г. в Российской империи существовало 159 православных братств⁷. Всероссийскую известность приобрело рязанское миссионерское братство в честь св. Василия Рязанского⁸, в своих отчетах отразившее количественный и качественный уровень сектантских групп, а также пути его снижения в Рязанской епархии с середины XIX в. вплоть до 1918 г., когда братство прекратило свое существование. Братство во имя св. Василия Рязанского осуществляло мониторинг и анализ сведений о группах сектантов в Рязанской епархии, проводило разъяснительные беседы с прихожанами храмов епархии, издавало миссионерскую литературу.

Обращает на себя внимание социальное служение РПЦ во время неурожая и эпидемий, особенно в контексте деятельности Рязанского губернского благотворительного комитета (РГБК)⁹. РГБК был учрежден для оказания помощи населению, пострадавшему от неуро-

жаев 1891–1893 гг., которые повлекли за собой вспышку холеры в губернии. Его возглавила супруга губернского предводителя дворянства Екатерина Николаевна Муромцева¹⁰. В 1891 г. был учрежден Рязанский епархиальный комитет по сбору и распределению пожертвований в пользу пострадавших от неурожая¹¹, который занимался, по преимуществу, организацией горячего питания в школах и в приходе. Возглавил его архиепископ Рязанский и Зарайский Феоктист. Поле деятельности епархиального комитета точно ограничивает Мясоедов, который в своем рапорте в Михайловский уездный комитет от марта 1892 г. поясняет, что «заботам (епархиального) комитета подлежат все учащиеся во всех школах, какого бы наименования они ни были, то есть земские, министерские, церковно-приходские, грамотности»¹². Организовать ежедневное, даже одноразовое горячее питание в школе и в приходе было довольно объемной задачей, с которой духовенство в общем успешно справлялось. Данные об открытых в уездах школьных столовых (с горячей пищей) по сведениям от 29 марта 1892 г. представлены в табл. 4¹³.

В течение пяти месяцев количество бесплатных столовых с горячей едой для учащихся увеличилось с 4 до 126, а количество обучающихся, имеющих возможность там питаться, со 110 до 7522 человек. Естественно, что такие темпы требовали от устроителей столовых немалых административных и финансовых усилий. Однако устройство подобных столовых в сельских школах, подбор добровольцев, организация доставки и приготовления пищи ложились на плечи сельских священников.

Фонд журналов заседаний РГБК содержит доклад члена РГБК Н. В. Радова, сопровождавшего уполномоченного Особого комитета действительного советника Н. Н. Беру в его поездке по Рязанской губернии. Н. В. Радов пишет: «Я объехал разные места Рязанской губернии, пострадавшие от неурожая прошлого года, и в настоящее время считаю долгом доложить Комитету, что в общем я получил совершенно удовлетворительное впе-

Таблица 4

Уезд	1891				1892						Итого	
	Ноябрь		Декабрь		Январь		Февраль		Март			
	ст.	уч.	ст.	уч.	ст.	уч.	ст.	уч.	ст.	уч.	ст.	уч.
Сапожковский	–	–	–	–	3	175	3	130	25	1818	31	2123
Рязский	2	47	2	120	5	287	4	215	18	994	31	1663
Раненбургский	–	–	1	45	3	208	1	83	27	1654	32	1990
Данковский	–	–	–	–	–	–	–	–	7	250	7	250
Скопинский	2	63	1	–	7	383	4	191	10	791	24	1428
Пронский	–	–	–	–	–	–	–	–	1	68	1	68
Итого	4	110	4	165	18	1053	12	619	88	5575	126	7522

Примечание: ст. – количество открытых столовых в уездах, уч. – количество учащихся, получающих горячее питание.

чатление относительно постановки в уездах благотворительной деятельности»¹⁴. Этим, собственно, и занимался епархиальный комитет.

Епархиальный благотворительный комитет содержался за счет средств РГБК, а также на пожертвования светских и духовных лиц¹⁵. Регулярно приходили пожертвования от Архиерейского дома (кружечный сбор), Спасского монастыря, Николо-Радовницкого монастыря, Солотчинского монастыря, Сергиевской женской общины.

С. И. Манухин, составивший в 1891 г. «Краткий обзор Рязанской благотворительности», пишет: «Рязань как город объявляет желать много лучшего и не только не выделяется из ряда обыкновенных губернских городов, а даже большинству значительно уступает; но я нисколько не ошибусь, если скажу, что немногие из ее собратьев имеют возможность сравниться с нею развитием благотворительности. В Рязани, например, к началу 1891 г. всех благотворительных обществ насчитывается до десяти; и ближайшее участие в этих обществах принимают господин рязанский губернатор Д. П. Кладишев, губернский предводитель дворянства Л. М. Муромцев, архиепископ Рязанский и Зарайский Феокист»¹⁶.

Таким образом, в исследуемый период РПЦ достигла существенных результатов в области народного образования и социальной поддержки населения. РПЦ принимала активное участие в становлении дела народного просвещения на уровне прихода, непременно безвозмездно участвуя в государственных инициативах, например в учебном процессе земских школ, а также самостоятельно организуя учебные учреждения начального общего образования. В области решения социальных задач в приходе организовывались церковно-приходские попечительства, в круг обязанностей которых входила забота о бедных, вдовах, сиротах, больных и так далее. Кроме того, ЦПП укрепляли связи между прихожанами и духовенством, активизировали гражданскую активность прихожан. Не менее важным является образование на уровне епархии разнообразных братств, в том числе тех, главной целью которых

была благотворительность. На официальном уровне сложно разграничить деятельность церковных и государственных структур, особенно во время бедствий и голода, так как в светские комиссии непременно входило духовенство, и наоборот. Ярким примером тому служит взаимодействие в преодолении последствий неурожая в 1893–1895 гг. в Рязанской епархии.

Обобщая опыт социальной деятельности Рязанской епархии в конце XIX – начале XX в., можно с уверенностью сказать, что социальное служение РПЦ являлось катализатором социальной активности мирян, укрепляло связи между духовенством и прихожанами, «провоцировало» появление и развитие русского меценатства, способствовало улучшению образования детей и решению социальных задач того времени.

Примечания

- 1 См.: *Зубанова С. Г.* Христианизация государственного, общественного и частного благотворительного служения и жертвенности в XIX веке под влиянием Русской Православной Церкви // *История государства и права.* 2009. № 23. С. 11–14.
- 2 *Отечественная церковь по статистическим данным // Оренбургские епархиальные ведомости.* 1898. № 1. С. 20. Цит. по: *Кротков М. В.* Благотворительная деятельность церковно-приходских попечительств на территории Оренбургской епархии во вт. пол. 19 – нач. 20 вв. // *Этническая история и духовная культура украинцев Оренбуржья: материалы межрегион. науч.-практ. конф. / ком. Адм. Оренб. обл. по делам национальностей и связям с религ. орг. и др. / под общ. ред. В. В. Амелина.* Оренбург, 2004. С. 84–89.
- 3 Цит. по: *Преображенский И.* Отечественная Церковь по статистическим данным с 1840–1841 по 1890–1891 гг. СПб., 1897. С. 79.
- 4 Там же. С. 122.
- 5 *Сборник постановлений по Министерству народного просвещения.* СПб., 1876. Т. 3. С. 1342–1350.
- 6 См.: *Преображенский И.* Указ. соч.
- 7 См.: *Папков А.* Церковные братства. СПб., 1883. С. 14–15.

- ⁸ Государственный архив Рязанской области (далее ГАРО). Ф. 975. Оп. 1 Ед. хр. 138.
⁹ ГАРО. Ф. 897. Оп. 1. Ед. хр. 53.
¹⁰ См.: Благотворительные учреждения города Рязани // Календарь и справочный указатель Рязанской губернии на 1884 год (высокосный). Рязань, Типография наследников З. П. Поздняковой, 1883. С. 118–121.
¹¹ ГАРО. Ф. 1125. Оп. 1. Ед. хр. 3.
¹² С развитием школьного народного образования были открыты школы, содержащие или земствами, или

Министерством образования, или в совместном с духовенством ведении. Церковно-приходские школы содержались за счет прихода, располагались в его помещениях. ГАРО. Ф. 897. Оп. 1. Л. 30.

- ¹³ Там же. Л. 61.
¹⁴ Там же. Л. 61.
¹⁵ Там же. Л. 70.
¹⁶ Манухин С. И. Краткий обзор Рязанской благотворительности // Рязанский альманах. Рязань, 1891. С. 13–14.

УДК 355.23(09)

ИЗ ИСТОРИИ ПОДГОТОВКИ ОФИЦЕРСКИХ КАДРОВ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

В. Ю. Новожилов

Главное командование внутренних войск МВД России, Москва

E-mail: skripnikov@pisem.net

Статья представляет собой краткий экскурс в историю военного образования в России с XVIII в. В статье рассматривается, под влиянием каких факторов эволюционировала военно-образовательная мысль, как она приспособлялась к обстоятельствам и какое влияние они, в свою очередь, оказывали на совершенствование процесса профессионального воспитания русских офицеров. Пристальное внимание уделено подготовке командиров для внутренних войск. Дается общая справка о том, в каких учебных заведениях готовились для них кадры, какие ставились образовательные задачи и как они решались в зависимости от политических обстоятельств.

Ключевые слова: военные училища, военно-учебные заведения, внутренние войска, офицерские кадры, слушатели, курсанты.

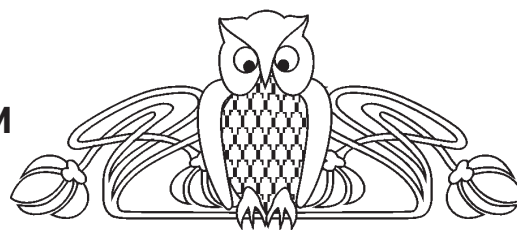
From the History of the Officers Training for the Internal Troops of the Interior in Russia

V. Yu. Novozhilov

The article gives detailed information of military education in Russia since the 18th century. The author presents the development of military education, the way it suited to different circumstances and the influence of the latter on the process of Russian officers' professional upbringing. A special attention is given to the commanders of the Internal Troops training. The goals and the tasks of education depending on the political circumstances, the ways they have been solved, are discussed. The preparation of the military staff in educational institutions is also discussed.

Key words: military schools, education military institutions, internal troops, officer staff, cadets, academy students.

Система подготовки военных кадров для русской армии ведет свое начало с 1698 г., когда по инициативе Петра I были открыты артиллерийская и пехотная школы в Москве и мореходная школа в Азове. В годы Северной войны (1700–1721 гг.) в связи с необходимостью подготовки офицерских кадров возникли специаль-

ные военно-учебные заведения – Артиллерийская и Инженерная школ в Санкт-Петербурге, Хирургическая и Инженерная школы в Москве, а в правление Анны Иоанновны (1730–1740 гг.) – Сухопутный и Морской шляхетские кадетские корпуса, готовившие офицеров для всех родов войск. Военно-учебные заведения, имевшие сословный характер, были призваны обеспечить основательную общеобразовательную подготовку учащихся, что позволяло бы им успешно осваивать военные и военно-специальные знания и впоследствии применять их на практике. В ходе обучения ставились две цели – общеобразовательная, то есть вооружение обучаемых необходимыми практическими знаниями, которые являлись основой военного образования и должны были совершенствоваться в ходе дальнейшего обучения или службы, и воспитательная, направленная на формирование у обучаемых православных нравственных ценностей, любви к вере, царю и Отечеству. Именно в это время в военном образовании обозначилась и стала четко доминировать гуманитарная составляющая, определяющая организацию, содержание, формы и методы обучения и воспитания офицеров.

В начале XIX в. в военном образовании снизилось качество общеобразовательной подготовки. Это было связано с изменениями в требованиях, предъявляемых к офицерам. В Уставе 1816 г. они были определены следующим образом: «...офицеру необходимо было знать только то, что предписано в школе рекрутской, в учениях ротном и батальонном... Офицер, знающий как командовать и совершенно объяснять все, что заключается в сих трех учениях, почитается офицером, свое дело знающим»¹. Подобная ситуация сохранялась до середины XIX столетия.

В ходе военных реформ, проведенных в 1860–1870-х гг., особое внимание было уделено